

ОБЗОРЫ

Biblia Slavica

Два последние десятилетия отмечены в славистике стремлением к систематическому изучению библейских источников. В Софии, в Кирилло-Мефодиевском центре, началось издание южнославянского извода древних библейских переводов, основанное на весьма ценном списке Российской национальной библиотеки F.I.461, XIV в. и на тщательном текстологическом анализе других южнославянских рукописных источников (см. [Златанова 1998; Тасева, Йовчева 2003])¹. В Санкт-Петербурге в 1993 г. началось и еще не завершено издание славянского Евангелия, основанное на максимальном охвате рукописных источников [Евангелие 1998; 2005]. Обе работы являются в значительной мере результатом создания на 10-м съезде славистов в Софии в 1988 г. Библейской комиссии. Самую важную роль в образовании Комиссии

сыграли тогда два маститых немецких слависта — Рейнгольд Олеш (1910—1990) и Ганс Роте. Они активно поддерживали инициативу, проявленную их молодыми коллегами, и сделали все возможное для положительного решения задуманного дела на заседании Международного комитета славистов. Из обсуждавшихся при образовании Комиссии вопросов один представлял собою некоторую сложность: должна ли Комиссия ограничить свои интересы собственно старославянской Библией и ее историей до 1751 г., когда в Санкт-Петербурге была опубликована завершающая форма текста в виде Елизаветинской библии, или же следует уделять равное внимание национальным библейским традициям, четко ограниченным в своей языковой форме одним языком, а в своем конфессиональном назначении — одной религиозной общиной. Под влиянием Р. Олеша и Г. Роте вопрос был решен в пользу самого широкого понимания задач Комиссии. Со временем стала очевидной научная основательность такого подхода, а ближайшие вслед за съездом события показали, что к этому времени у двух славистов был готов план большого издательского проекта фототипического воспроизведения ранних изданий Библии на национальных славянских языках, так что уже в 1988 г. появился первый том серии — польская *Biblia Leopolita* (1561).

Через двадцать лет после начала работа увенчалась исключительными результатами, ибо к настоящему времени издательство Ferdinand Schoeningh

¹ От софийского предприятия отделился и в 1990-е годы энергично осуществлялся в Зальцбурге под руководством проф. Отто Кронштайнера проект реконструкции Мефодиевского перевода Библии. Болгарские ученые Димитр Дунков, Иван Дадиверин и Диляна Атанасова опубликовали книги Левит, Второзаконие, Судей, 1—4 Царств, Руфь и Псалтырь. Некоторые публикации опирались всего на три-четыре списка. Странной особенностью всех изданий является то, что славянский текст в них орфографически нормализован в согласии с парадигмами старославянского языка, представленными в грамматиках, как если бы публикации были рассчитаны на изучение в школе или гимназии.

(Paderborn) выпустило в свет 39 томов этой серии. Внушительный объем каждого из томов, прекрасное качество плотной тонированной бумаги, безупречное полиграфическое исполнение, великолепные кожаные и тканевые переплеты с золоченым обрезом и компетентное научное сопровождение придают серии самостоятельную художественную, научную и культурную ценность. Финансирование проекта осуществила Академия наук в Дюссельдорфе с помощью фонда *Alfried Krupp von Bohlen und Halbach-Stiftung*. Дадим, однако, краткий перечень содержания всех опубликованных томов, без чего не будет понятна специфика восточнославянской традиции и ее место в том процессе овладения Библией, который с XIV по XIX столетие охватил так или иначе все славянские культуры и языки².

Вся серия делится на шесть разрядов.

Первый разряд образовала чешская Библия. В богатую начинаниями эпоху Карла IV (1355—1378) Чехия стала первой славянской страной, где проявились национальные тенденции развития как в сфере религии, так и культуры. Основание в Праге первого немецкого университета (1348) способствовало перенесению сюда опыта плодотворного усвоения и распространения Библии, осуществленного на полтора столетия раньше в Парижском университете применительно к латинскому тексту Вульгаты. Это не привело к подавлению славянской культуры, и чешская Библия была напечатана в Праге в 1488 г. по образцу и в переводе с Вульгаты, ставшей к тому времени благодаря трем десятилетиям работы печатного

станка всеобщим достоянием в христианской Европе. Раньше чешского из печати вышли только латинский и немецкий переводы Библии, что обусловило тот огромный интерес, с каким появление этой версии было встречено в славянском окружении (см. в частности [Флоровский 1946]). С этого момента история Св. Писания у славян начинает постепенно сменяться историей Библии: на смену слабо зафиксированной в своем составе многотомной антологии священных книг (которую греческие и латинские книжники именовали пандектой) приходит компактный том, содержащий все богодухновенные тексты под одним переплетом и в известной последовательности. Однотомная Библия открывает новую эпоху христианского просвещения.

Издатели выбрали для своей серии, однако, не пражское издание, а его перепечатку сделанную годом позже (1489) в Кутной Горе Мартыном из Тишнова, которая, сохраняя все текстовые особенности Пражской библии, отличается исключительно изящными шрифтами, заставками и великолепными гравюрами. Пожалуй, это самый красивый том всей серии (см. [Алексеев 1992]). Из последующих изданий чешской Библии известностью пользовалась венецианская редакция 1506 г., на которую опирался и Франциск Скорина.

Второй Библией в серии явилась, вполне естественно, протестантская Кралицкая библия в шести томах в четверку (1579—1593). Ветхий Завет переведен в ней с еврейского языка, Новый Завет — с греческого и в основном воспроизводит перевод Яна Благодслава (1523—1571), филолога, просветителя и основателя церкви Чешских братьев. Ее перепечатка для серии *Biblia Slavica* знаменательно совпала с 400-летием первого издания. Если Пражская и Кутногорская библии несут на себе отпечаток личности Яна Гуса с его новыми

² Пользуясь случаем, обращаем внимание на два больших обзора славянских переводов Библии и их изданий, которые появились в последние годы. См. [ПЭ 2002; Interpretation 1998].

принципами правописания, воспроизводящими некоторые черты священо-го еврейского языка, то Кралицкая библия стала важным источником развития чешского литературного языка вплоть до эпохи нового национального возрождения XIX в. Начиная с 1613 г. она перепечатывалась в одном томе.

За нею, как и в других странах центральной Европы, последовала католическая реакция, вызвавшая новый перевод с латыни — Святовацлавскую библию (три тома, 1677—1715), преемственно связанную с венецианским изданием 1506 г., что придало архаичность ее языку и ограничило общественное влияние.

Кроме этих трех больших печатных Библий в чешский разряд вошла рукописная Дрезденская библия по оригиналу приблизительно 1370 г., который погиб в начале первой мировой войны в Брюсселе, куда был доставлен из Дрездена для фотокопирования. Наборное издание по сохранившимся фотографическим пластинам было опубликовано прежде Вл. Кыасом [Куас 1981; 1985; 1988], причем отсутствующие части текста восполнены по Оломоуцкой и Змерзлицкой рукописям. Дрезденская была старшей из них и сохраняла в большей степени орфографические и лингвистические черты оригинала XIII века, почему воспроизведение сохранившихся фотографий можно считать серьезным вкладом в научную разработку предмета. Эта рукопись содержала первую редакцию чешской версии, возникшей на базе латинского текста, вторая редакция сложилась в начале XV в., третья связана с гуситским движением и нашла отражение на Украине, где с нее сделан перевод Песни песней с толкованиями [Алексеев 1983], тогда как четвертая явилась плодом научной работы в Карловом университете и воспроизведена в пражском издании 1488 г. Таким образом, в серии *Biblia Slavica* опубликована фотокопия

Дрезденской библии, начиная с Псалма 37, отдельным томом дан наборный текст, выполненный в свое время великим знатоком чешской Библии Владимиром Кыасом (1917—1990). Четырьмя названными Библиями далеко не исчерпывается богатейшая традиция Св. Писания на чешском языке, однако она представлена в серии самыми главными своими свидетелями.

Польский разряд серии, в подготовке которого участвовали известные специалисты Ирена Квилецка, Лешек Мошиньски († 2008) и Дэвид Фрик, также содержит четыре единицы. Первым по времени является здесь полный перевод Нового Завета, выполненный Станиславом Мужинским (1528—1553) и опубликованный в Кенигсберге в 1551—1552 гг. в двух томах Яном Секлюцианом (1510—1578). Это издание осуществлялось под покровительством последнего магистра Тевтонского ордена герцога Альбрехта (1490—1568) и отразило широкое распространение на восток Европы религиозного учения Мартина Лютера. Новый Завет Мужинского—Секлюциана многократно перепечатывался и пользовался популярностью благодаря ясному и простому языку и уместно размещенным пояснениям реалий. До появления в 1632 г. Гданьской библии он был основным в кругах польских евангелических христиан.

Библия Леополита (1561) была, как отмечено, первой книгой всей серии, она же является, вероятно, самым ранним католическим изданием Библии. Как известно, первые десятилетия книгопечатания прошли под знаком гуманизма, изданием и распространением Св. Писания занимались частные лица. Лишь Реформация придала обостренно конфессиональный характер своим изданиям. После публикации Мартином Лютером Нового Завета (1522) и Ветхого Завета (1534) Римско-католическая церковь приняла во внимание значи-

мость печатного станка, и в 1546 г. Тридентский собор канонизовал латинскую Вульгату и распорядился издать ее официальный текст. Этот текст появился лишь в 1590 г. (Biblia Sixtina) и 1592 г. (Biblia Clementina). Библия Леополита явилась, по всей вероятности, первым ответом на решение Тридентского собора. Ее создателем был священник Ян Ниц (1523—1572), профессор Ягеллонского университета в Кракове, родом из Львова (leopolites «львовянин», что вошло в название издания). Перевод с латыни отличается здесь некоторой свободой, не блещет литературными достоинствами. Но издание, выполненное отличными шрифтами и с прекрасным расположением текста, производит праздничное впечатление.

Тотчас после него в 1563 г. появляется Брестская библия, называемая также Радзивилловской по имени великого литовского канцлера Николая Радзивилла Черного (1515—1565), покровителя издания, или Пинчовской, по месту, где находилась кальвинистская школа, в которой был сделан перевод Ветхого Завета с еврейского, а Нового Завета — с греческого языка. Использовано было также одно из новейших изданий латинской Вульгаты. Это видно по тому, что не только в самом тексте выставлены номера стихов (это деление текста появилось лишь в 1551 г. в изданиях Вульгаты), но и при обозначении параллельных мест. Особыми достоинствами отличается ясный язык перевода. По шрифтам и другим типографским чертам это издание относится к числу лучших в XVI в. Его влияние было столь велико, что через столетие в Москве переводчиком Посольского приказа Авраамием Фирсовым был сделан перевод Псалтыри с польского на простой славянский³. Но сегодня эк-

земпляры Брестской библии крайне редки, ибо сын Радзивилла Черного после своего обращения в католицизм собирал и уничтожал их.

Продолжателем протестантских переводов был выдающийся филолог Симон Будный (1535—1596). В 1571—72 гг. он опубликовал двумя томами Ветхий и Новый Заветы, стремясь в своей работе передать оригинал со всей точностью, которой, по его мнению, не хватало брестскому изданию. Его перевод по месту публикации называют Несвижской библией. Успехи протестантской миссии вызвали, как и в других случаях, реакцию Контрреформации, так появился перевод с латыни иезуита Якова Вуйка в 1593—96 гг., но он уже не вошел в серию Biblia Slavica.

При подготовке восточнославянского разряда своей серии проф. Роте встретился с трудностями особого рода: многие библейские переводы и издания, которые следовало включить в серию, либо только что были переизданы, либо готовились к публикации. Так, архим. Иннокентий Просвирнин (1940—1994) подготовил и частично осуществил фототипическое издание Геннадиевской библии (Новый Завет в двух томах, 1992, Псалтырь, 1997), ветхозаветные переводы Франциска Скорины были опубликованы в трех томах в Минске в 1990—1991 гг., Чудовский Новый Завет XIV в. незадолго перед тем был переиздан фототипически в Кельне (1989) и готовился к наборному изданию под покровительством митроп. Питирима (1926—2003) в Москве (издан Т. Л. Александровой в 2001), Острожская библия была фототипически переиздана в Москве в 1989 г., в Киеве к публикации готовилось Пересопницкое евангелие 1556—61 гг. (осуществлена в

вилось в Бресте в 1564 г. Впрочем, ему были известны и другие польские переводы. См. [Целунова 2006].

³ Вероятно, переводчик пользовался отдельным изданием Псалтыри, которое поя-

2001). Долгие переговоры с руководством Государственного исторического музея об использовании одной из двух рукописных Библий XVI в. вместо Геннадиевского списка результатов не принесли. В конце концов, восточнославянский разряд оказался сформирован следующими пятью единицами, ни одна из которых не является полной печатной Библией национальной значимости. Это Апостол в издании Франциска Скорины (1525), два варианта работы по редактированию Нового Завета, осуществленной в Москве Епифанием Славинецким, Псалтырь в переводе В. К. Третьяковского и Евангелие в издании Василия Тяпинского. Все это были тупиковые линии развития библейского текста у восточных славян, но их публикация явилась долгожданным и исключительно важным в научном отношении событием.

Издание Апостола Скорины (вместе с православным месяцесловом) завершило минскую публикацию его переводческого наследия, однако в том вошли комментарии не только к тексту Апостола, но и к изданным прежде в Минске материалам, составленные десятком участников, среди которых особенно значимы имена А. И. Журавского и Г. Роте. Большой интерес представляет здесь также обзор гравюр в изданиях Скорины, который осуществил В. Ф. Шматов. Псалтырь Третьяковского не была издана в свое время, несмотря на все усилия автора и благожелательное отношение Св. Синода; принимавшиеся неоднократно в науке попытки этого рода также не принесли результата. Благоприятным моментом в данном случае оказалось приглашение к участию Александра Левицкого (Йельский ун-т, США), специалиста по русской оде XVIII в., который осуществил наборное издание текста и дал к нему необходимые пояснения. Шрифт и оформление книги стилистически свя-

заны с русскими изданиями середины XVIII века.

С изданием в серии литературного наследия Епифания Славинецкого связан занимательный сюжет. Этот украинский книжник, приглашенный в Москву, как в свое время Максим Грек, исключительно для приготовления новой редакции Св. Писания и богослужебных книг, имел мало возможности заниматься этим делом. Предпринятая им правка Нового Завета считалась утерянной, тогда как правленный текст Четвероевангелия так и остался лежать в архиве, ни один из последующих редакторов славянского текста Библии им не воспользовался. Впрочем, правка эта не носила революционного характера, она продолжила линию на буквальное воспроизведение оригинала, заложенную редакцией Чудовского Нового Завета в XIV в. Для нее характерны такие радикальные новообразования, как *укрестововати* «распать» и *вредословити* «хулить». По рукописи начала XVIII в. (Ундольского № 1291) в серии *Biblia Slavica* правленный Епифанием текст Четвероевангелия с предисловием Евфимия Чудовского издала О. Б. Страхова в 2002 г. Тотчас после выхода издания Т. А. Исаченко обратила внимание на то, что среди греческих рукописей Синаодального собрания находится полный текст Нового Завета с правкой Епифания. Попал он в это отделение собрания по той причине, что содержит наряду с правленным славянским текстом в параллельном столбце греческий оригинал, списанный с одной из печатных публикаций XVI—XVII вв. Проф. Г. Роте тотчас предложил Т. А. Исаченко исправить возникшее недоразумение, так что один за другим появились два тома, содержащие полный труд Епифания. Оба они дают фототипическое воспроизведение рукописного текста, который теперь открыт филологическому изучению. В совпадающем

объеме Четвероевангелия между ними есть некоторая разница.

Большим научным событием необходимо считать и первую публикацию Евангелия Василия Тяпинского, в свое время, примерно в 1580 г., напечатанного всего лишь в объеме двух первых евангелистов и сохранившегося всего лишь в двух экземплярах. По всей вероятности, сохранилось именно то, что было тогда издано, нет причин думать, что труд этот когда-либо был доведен до конца или имел заметный тираж, тем не менее значение его крайне велико. Это двуязычное издание, в левой колонке которого находится церковнославянский текст, а в правой — его перевод на белорусский язык, обе версии сопровождаются глоссами и примечаниями. По всем внешним признакам работа Тяпинского относится к гуманистическим предприятиям: текст заключен в прямоугольную двойную рамку, которая играет роль полей, она крайне редко применялась в восточнославянских печатных книгах. Двуязычные издания были нормой для всех гуманистических публикаций Нового Завета на греческом языке, который сопровождался латинским переводом; такой же вспомогательный характер носит здесь белорусский перевод. Славянский текст поделен на литургические зачала, белорусский — на главы и стихи. Для своего труда Тяпинский должен был иметь по крайней мере четыре образца: греческий Новый Завет с латинским параллельным переводом, Библию Симона Будного 1572 г. с тождественной рамочной разлиновкой страницы, Новый Завет Симона Будного 1574 г. с обозначением литургических зачал по византийскому типикону и Брестскую Библию 1563 г. с обозначением глав и стихов параллельных мест (как отмечено, все другие издания указывают только главы). Достоинства такой научной серии, как *Biblia Slavica*, особенно оче-

видны при постановке вопроса о преемственности и традиции в отношении полиграфии, где наблюдаемые совпадения имеют более весомый характер, чем совпадения в языке.

Таким образом, восточнославянский разряд предлагает исключительно ценный в научном отношении новый материал; в его организации проф. Роте должен был по внешним причинам, о которых сказано выше, отказаться от схемы, принятой для других разрядов. Можно, впрочем, заметить, что некоторые из изданий той эпохи могли бы претендовать на включение в серию. Например, заслуживает всяческого внимания Новый завет и Псалтырь, изданные в Вильне в 1625 г. в восьмушку. Издание интересно тем, что славянский текст Нового Завета впервые отошел в нем от старых рукописных образцов допечатного периода, будучи подвергнут редактуре по одному из изданий XVI в.; например, впервые в 1 Послании Иоанна 5.7–8 здесь отражена известная *comma Iohanneum* о трех свидетелях на небе, появившаяся в греческом тексте в третьем издании Эразма (1522) (см.: [Метцгер 1996])⁴. Московская перепечатка 1663 г. Острожской Библии обладает внешним своеобразием, которое придает ей полиграфический инте-

⁴ В изданном одновременно и там же Апостоле Скорины *comma Iohanneum* отсутствует, что говорит о том, что объем опубликованного им текста определялся не Вульгатой, а славянской рукописной традицией. Напротив, Епифаний Славинецкий помещает ее в своем переводе вслед за греческим текстом, которым он руководствуется, однако сопровождает следующей маргиналией: «зри! внесено с латинских книг, а в греческих ниже древних (?) и толковых не обретается отнюдь». К сожалению, эта и некоторые другие корректурные пометы Епифания не могут быть прочтены по фототипическому изданию вполне уверенно.

рес, включает немало содержательных маргиналий и глосс, а также несколько вступительных статей (на одном из этапов работы над серией ее публикация предполагалась). Теми же чертами обладает первое издание Елизаветинской Библии 1751 г., в дальнейших ее перепечатках интересные вступительные статьи, а также многочисленные глоссы и маргиналии исчезли и никогда более не воспроизводились. В силу специфического замедленного развития восточнославянской культуры в ней осуществлялись контаминации и всякого рода подмены, *qui pro quo*. Поэтому на старейший славянский текст Библии, имевший тысячелетнюю историю, в XVII—XVIII вв. здесь были возложены те задачи, которые в других случаях выполняли переводы Библии на национальные литературные языки; равным образом, и церковнославянский язык этого времени воспринимался в Москве как язык национальный (см. [Алексеев 2006]). Этим объясняется то, что национальный перевод Библии на русский язык, появившись с большим опозданием лишь в третьем десятилетии XIX в., не сыграл той роли, какая досталась этому типу перевода в странах Реформации на два-три столетия раньше. Соответствующим образом это отразилось на истории переводов и изданий Библии на белорусском и украинском языках.

Четвертый разряд серии посвящен южнославянским языкам и изданиям. Здесь представлены три ярких образца, в которых характерно отразились события, охватившие Европу в эпоху Реформации. Один из них содержит обычный церковнославянский текст Четвероевангелия с предисловием Феофилакта Охридского и делением на литургические зачала, опубликованный в 1512 г. неким иеромонахом Макарием то ли черногорского, то ли румынского происхождения. Издание интересно как

первое по времени печатное воспроизведение славянского новозаветного текста и отражение влияния гуманистических изданий, осуществляемых с конца XV в. в Венеции. Самым ярким протестантским изданием на славянском юге был словенский перевод Приможо Трубара, прекрасный по стилю и точности отражения оригинала. Опубликованный впервые в Тюбингене (1555—1582) в объеме Нового Завета и Псалтыри, он целиком воспроизведен в серии *Biblia Slavica*. Из перевода Ветхого Завета, осуществленного в те же годы последователем Лютера Юрием Далматином, в серии воспроизведены Пятикнижие, Притчи и Иисус Сирахов. Достоинство этих переводов было так велико, что они остались в употреблении даже в период Контрреформации. В силу сложности языковой и культурной обстановки (в частности, наличия глаголического богослужения и нежелания католического руководства поддерживать переводы Библии на народный язык) перевод иезуита Бартоломея Кашича, осуществленный в 1625—1630 гг., так и не вышел в свет и впервые был опубликован в составе данной серии в сопровождении внушительного научного исследования с полным словоуказателем. Дошедшие рукописи сохранили неполный текст перевода (отсутствуют Пророки и часть «второканонических» книг, не в полном объеме сохранились книги Бытия и Царств, зато кое-какие дополнения были извлечены для издания из составленного Кашичем лекционария), рукописи принадлежат библиотекам Загреба, Задара и Одессы.

Пятый разряд образуют три тома, посвященные первому полному переводу Библии на словацкий язык. Он был осуществлен в 1756—1759 гг. с Вульгаты католическими монахами Червени Клаштора, когда впервые возникло понимание того, что словацкий язык не

тождествен чешскому. В двух томах представлено факсимильное воспроизведение рукописного текста, в третьем, публикация которого еще ожидается, содержится исследование и полный словарь к тексту.

Наконец, в шестом разряде издатели предлагают в виде дополнения первый полный перевод на литовский язык, выполненный в 1580—1590 гг. лютеранским священником Ионасом Бреткунасом (1535—1602). Этот труд в свое время был опубликован в Кенигсберге лишь небольшими частями и теперь увидел свет в сопровождении солидного научного комментария, выполненного Фридрихом Шольцем.

Таким образом, серия содержит перепечатку десяти раннепечатных славянских Библий и ее частей и первое издание восьми других работ, оставшихся до сих пор в единственном экземпляре как собственность той или другой библиотеки (сюда мы относим Дрезденскую библию и Евангелие Василия Тяпинского). В совокупности этот большой сводный труд впервые в науке делает доступными обширные материалы по истории переводческого дела у славян (а также в Литве) накануне и в начале нового времени, по истории усвоения Библии как религиозного и литературного творения, по истории развития Реформации в Центральной и Восточной Европе, по истории книгопечатания и книжного просвещения. Многие из изданных томов открываются краткими вступительными словами предстоятелей религиозных общин, в пользу которых было выполнено в свое время то или иное издание, или политических деятелей; этим подчеркивается их историческая значимость и определенная актуальность сегодня.

Большой объем серии занят научным сопровождением; некоторые тома целиком содержат только научный материал. В каждом отдельном случае для вы-

полнения этой работы приглашены компетентные знатоки вопроса, одни из них давно и заслуженно известны в славистике, другие же делают в науке свои первые шаги. В общей сложности в подготовке томов серии приняло участие пятьдесят человек, которые в совокупности образуют большую общеславянскую научную академию. Проф. Роте проявил себя как великий организатор науки, осуществив самый крупный в истории славистики международный проект. Пройдет немало времени, прежде чем можно будет вполне оценить значение этого громадного труда.

Остается добавить, что стоимость томов при их высоком полиграфическом качестве, безупречном научном уровне довольно велика, мало найдется библиотек, которые смогли закупить целиком серию *Biblia Slavica*. Хочется обратить внимание руководителей библиотек на необходимость приложить все возможные усилия и приобрести по возможности все опубликованные тома. Было бы желательно, чтобы благотворительные фонды оказали в этом сильное содействие.

Biblia Slavica

[библиографическое описание]

I. *Tschechische Bibeln*.

Bd. 1, 1. *Die altschechische Dresdener Bibel, um 1370*. Facsimile auf Grund der photographischen Aufnahmen. Mit einem Geleitwort von Erzbischof Miloslav Kardinal Vlč. Kommentare von Vl. Kyas, Jaroslava Pečirková, Karel Stejskal. Paderborn, 1993.

Bd. 1, 2. *Dresdener und Olmützer Bibel, um 1370/1400*. Editio critica. Besorgt von Vl. Kyas. Paderborn, 1996 [переиздание работы Вл. Киаса, 1971].

Bd. 2, 1. *Kuttenger Bibel, 1489*. Mit einem Geleitwort von František Kardinal Tomašek. Textband. Paderborn, 1990.

Bd. 2, 2. Kommentarband von Vl. Kyas, K. Stejskal, E. Urbanková und H. Rothe. Paderborn, 1990.

Bd. 3, 1. Kralitzer Bibel. Pentateuch, 1579. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 2. Kralitzer Bibel. Josua, Richter, Ruth, Könige 1—4, Paralipomena 1—2, Esra 1—2, Esther. 1580. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 3. Kralitzer Bibel. Hiob, Psalter, Sprüche, Ecclesiastes, Das Hohelied. 1582. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 4. Kralitzer Bibel. Propheten. 1587. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 5. Kralitzer Bibel. Apokryphen: Tobias, Gebet des Manasse, Judith, Baruch, Brief an Jeremias, Forsetzung des Daniel, Esra 3—4, Forsetzung Esther, Makkabäer 1—4, Weisheit, Ekklesiasticus. 1588. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 6. Kralitzer Bibel. Neues Testament. 1593. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 7. Kralitzer Bibel. Kommentare von M. Bohatcová, E. Michalek, J. Heller, M. Balaban. Paderborn, 1995.

Bd. 4, 1. St. Wenzels Bibel. Pentateuch bis Psalter. 1715. Paderborn, 2001.

Bd. 4, 2. St. Wenzels Bibel. Propheten, Makkabäer. 1712. Paderborn, 2001.

Bd. 4, 3. St. Wenzels Bibel. Neues Testament. 1677. Kommentare von J. Bílý, M. Kopecky, J. Vintr, H. Kuchařová, P. R. Pokorny. Paderborn, 2001.

II. Polnische Bibeln.

Bd. 1, 1. Leopolda, Krakau 1561. Paderborn, 1988.

Bd. 1, 2. Leopolda. Kommentare von E. Belcarzowa, D. A. Frick, St. Urbańczyk. Paderborn, 1988.

Bd. 2, 1. Brester oder Radziwill Bibel, Brest 1563. Stary Zakon. Paderborn, 2001.

Bd. 2, 2. Brester oder Radziwill Bibel, Brest 1563. Księgi Nowego Testamentu. Komentar von D. A. Frick und Irena Kwilecka. Paderborn, 2001.

Bd. 3, 1. Bibel des Symon Budny, 1572. Altes Testament. Faximile. Paderborn, 1995.

Bd. 3, 2. Bibel des Symon Budny, 1572. Neues Testament. Kommentare von D. A. Frick und Leszek Moszyński. Paderborn, 1995.

Bd. 4, 1. Testamentu nowego część pierwsza (Evangelien). Faximile. Paderborn, 2007 [издание Мужинковского-Секлюциана].

Bd. 4, 2. Testamentu nowego część wtora i ostateczna. Faximile. Paderborn, 2008 [издание Мужинковского-Секлюциана].

III. Ostslavische Bibeln.

Bd. 1. Franciscus Skaryna. Biblia ruska. Apostol, Wilna 1525. Mit einem Geleitwort von Adam Maldzis. Kommentar zu der Facsimile-Ausgabe der Bücher des Alten Testament von Vl. Konan, A. McMillin, H. Halenčanka, Vl. M. Svjažynski, A. I. Žuraŭski, I. V. Saverčanka und V. F. Šmataŭ. Apostolos. Facsimile und Kommentar. Hrsg. von H. Rothe und Fr. Scholz. Paderborn, 2002.

Bd. 3, 1. Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavinec'kij, Moskau 1673. Facsimile nach der Handschrift aus der Sammlung Undol'skij 1291. Besorgt und eingeleitet von O. B. Strakhov (Cambridge, Mass.). Paderborn, 2002.

Bd. 3, 2. Übersetzung des Neuen Testamentes. Facsimile des Handschrift Sin. gr. 26 (472). Besorgt und kommentiert von T. A. Isačenko (Moskau). Paderborn, 2004.

Bd. 4. Vasilij Kirillovič Trediakovskij, Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky (Yale Unty). Paderborn, 1989.

Bd. 5. Weissrussisches Evangelium des Vasil' Tjapinski (Cjapinski), um 1580. Mit einem Geleitwort von A. B. McMillin. Hrsg. von H. Halenčanka (Minsk). Kommentare von H. Halenčanka, I. Klimaŭ, H. Rothe. Paderborn, 2005.

IV. Südslavische Bibeln.

Bd. 1. Tetra-Evangelium des Priester-mönchs Makarije, 1512. Facsimile Aus-

gabe. Besorgt und eingeleitet von H. Miklas unter Mitwirkung von Š. Gondorogea und Chr. Hannick. Paderborn, 1999.

Bd. 2, 1. Kroatische Bibel des Bartholomäus Kašić, 1625. Mit einem Geleitwort von Franjo Kardinal Kuharić. Biblia sacra. Versio illyrica selecta. Editio princeps. Besorgt von P. Bašić, J. Derossi und Z. Derossi unter Mitwirkung von I. Golub. Paderborn, 1999.

Bd. 2, 2. Kroatische Bibel des Bartholomäus Kašić, 1625. Kommentare, Wörterverzeichnis, Register von P. Bašić, R. Katičić, I. Golub, Chr. Hannick, D. Gabrić-Bagarić und E. Hedrich. Paderborn, 2000.

Bd. 3, 1. Slovenische Übersetzungen, Tübingen und Laibach 1555—1582. Neues Testament und Psalter übersetzt von Primož Trubar. Pentateuch, Proverbia und Jesus Sirach übersetzt von Juraj Dalmatin. Facsimile-Ausgabe. Paderborn, 2006.

Bd. 3, 2. Slovenische Übersetzungen. Kommentare von M. Merše, I. Grdina, G. Giesemann, G. Neweklowski, H. Rothe, J. Krašovec und J. Plevnik. Paderborn, 2006.

V. Weitere Bibeln.

Bd. 1. Slowakische bibel 1755. Mit einem Geleitwort von Ján Chrysostom Kardinal Korec. Pentateuch bis Ecclesiastes. Facsimile-Ausgabe. Paderborn, 2002.

Bd. 2. Slowakische bibel 1755. Propheten, Makkabäer, Neues Testament. Kommentare von J. Dorulá, VI. Gregor, E. Krasnovska, H. Rothe. Paderborn, 2002.

Bd. 3. Slowakische bibel 1755. Wörterbuch [готовится к изданию].

VI. Supplementum. Biblia Lithuanica

Bd. 1, 1. 1.-5. Buch Mose. Paderborn, 1999.

Bd. 1, 2/3. Altes Testament. Geschichts- und Lehrbüchern. Paderborn, 2002.

Bd. 1, 4/5. Altes Testament. Propheten und Apokryphen [готовится в печати]

Bd. 1, 6. Psalter. Paderborn, 1991.

Bd. 1, 7. Neues Testament. Paderborn, 1992.

Bd. 2, 6. Psalter. Kritische Edition. Hrsg. und kommentiert von Fr. Scholz. Paderborn, 2002.

Bd. 3, 1. Kommentarband zur NT von J. D. Range. Paderborn, 1992.

Библиография

Алексеев 1983 — А. А. Алексеев. *Песнь песней* в Чешской библии и восточнославянские переводы 15—16 вв. // *Slavia*. Vol. 52. 1983. S. 283—289.

Алексеев 1992 — А. А. Алексеев. Рец. на: *Die Kuttenger Bibel*, 1489. Paderborn, 1990 // *Славяноведение*. 1992. № 6. С. 113—115.

Алексеев 2006 — А. А. Алексеев. Библия и типология литературных языков // *Вереница литер.* К 60-летию В. М. Живога. М., 2006. С. 7—19.

Евангелие 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998.

Евангелие 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.

Златанова 1998 — Р. Златанова. Книга на дванадесетте пророци с тълкования. София, 1998.

Метцгер 1996 — Б. М. Метцгер. Текстология Нового Завета. М., 1996. С. 98—99.

Тасева, Йовчева 2003 — Л. Тасева, М. Йовчева. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. София, 2003.

ПЭ 2002 — Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 139—168.

Флоровский 1946 — А. В. Флоровский. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности. Франциск Скоруина и продолжатели его дела // *Sborník filologický*. Praha, XII. 1946. S. 153—248.

Целунова 2006 — Е. А. Целунова. Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. М., 2006. С. 32.

Interpretation 1998 — Interpretation of the Bible. Ljubljana, 1998.

Kyas 1981 — VI. K y a s. Staročeská Bible Drážďanská a Olomouzká. T. I. Evangelia. Praha, 1981.

Kyas 1985 — VI. K y a s. Staročeská Bible Drážďanská a Olomouzká. T. II. Epistoly, Skutky apostoľů, Apokalypse. Praha, 1985.

Kyas 1988 — VI. K y a s. Staročeská Bible Drážďanská a Olomouzká. T. III. Genesis—Esdráš. Praha, 1988.

А. А. Алексеев

Категория залога в русистике (история грамматических интерпретаций возвратных глаголов)

Категория залога как предмет лингвистических обзоров имеет в русистике свою историю¹. Являясь одним из самых традиционных объектов в отечественной грамматической науке, категория залога соединила собственно языковую и «идеологическую» (концептуальную) проблематику. В многочисленных интерпретациях отразились разные представления о грамматике русского глагола, о месте русского языка среди других, о языковой типологии, о связи языка и мышления; в позднейшее время, в конце XIX — начале XX века, эти разные точки зрения выделялись в два основных направления в русистике — формально-типологическое и историко-частнолингвистическое. Если следовать Б. А. Успенскому, то биполярность русского языкового созна-

ния предопределена соединением в нем двух стихий, двух миров — восходящих к собственно русскому и церковнославянскому компонентам в языке и культуре. Это противопоставление на разных этапах может осмысляться как «национальное — интернациональное», «свое — чужое», «восточное — западное», «естественное — искусственное» [Успенский 1994: 184]. В истории русского лингвистического мышления эти коллизии проявлялись в полной мере. На I-м Конгрессе исследователей русского языка в МГУ Б. Ю. Норман говорил об особенностях русской грамматической науки, о том, что русистика сохраняет все: однажды приняв термин или идею, она не избавляется от них даже тогда, когда новое знание должно было бы вытеснить старое (отсюда и дублетные термины типа субъект/подлежащее, вид/аспект и несколько вариантов разбора предложения). Это свойство русистики проявилось и в теории залога: если от той или иной идеи отказывались в рамках одного из направлений, то другое принимало и развивало эту идею.

Источником традиции для русской грамматики XVIII — первой половины XIX вв. явились грамматики церковнославянского языка конца XVI — XVII веков Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Уроженцы Юго-Западной Руси, имевшие опыт знакомства с западными образцами христиан-

¹ См., например, главу о залоге у А. А. Потебни [Потебня 1941], которая во многом представляет собой полемику с В. И. Буслаевым и В. И. Далем; раздел о залоге в книге В. В. Виноградова «Русский язык», где дан подробный очерк изучения категории залога в грамматических сочинениях XVIII — начала XX вв.; краткую историю залога в [Исаченко (1960) 2003] — отучения А. Х. Востокова до современных А. В. Исаченко изданий — АГ-52 и книги В. В. Виноградова «Русский язык»; статью «Залог» в [ЛЭС 1990], где В. С. Храковский собирает разные точки зрения на эту глагольную категорию.